

Девятигранный треножник

Цинь Синчжи на первый взгляд казался человеком открытым и великодушным — таким доблестным героем, с которым легко договориться. Однако те, кто давно вращался в кругах бессмертных орденов, знали: за маской добродушия скрывается непростой нрав. Пусть он и был непревзойденным мастером в искусстве алхимии, характер его оставлял желать лучшего. Он никогда не спасал людей просто так — только если проситель был готов заплатить ту цену, которую он назначит.

Хань Цзинцин, будучи Монархом Небесной Столицы, обладал несметными сокровищами, и почти любое требование алхимика было ему по карману. Остальных же мучило любопытство: на каких условиях Цинь Синчжи согласился явиться в этот раз? Какую редкую вещь он затребовал?

У Ло Си были свои соображения. Едва свиту Цинь Синчжи устроили на постой, он лично отправился в восточное крыло, чтобы навестить гостя.

Появление Старейшины Цанланя стало для алхимика неожиданностью. Прямой наследник семьи Ло, в прошлом году взявший первенство на Великом состязании бессмертных орденов, ныне пользовался громкой славой. О нем говорили не только в кругах совершенствующихся: еще в юности Ло Си спас целую деревню, буквально передвинув гору, чем заслужил почет в Поднебесной. При первой встрече алхимику показалось, что Старейшина держится холодно, а его улыбка — лишь вежливая маска, за которой скрывается опасный человек. То, что такой важный гость пришел к нему с глазу на глаз, не предвещало ничего доброго. Впрочем, сам Цинь Синчжи решил обернуть этот визит себе на пользу. Как говорится, незваный гость редко приходит с благими намерениями, но часто — с выгодными предложениями.

— Не знаю, что привело Старейшину Цанланя ко мне для столь приватной беседы, — Цинь Синчжи сразу напустил на себя важный вид, понимая, что Ло Си пришел с просьбой.

Ло Си не выказал ни капли раздражения. Он непринужденно поддерживал светскую беседу, пока разговор плавно не коснулся супруги алхимика. Он мастерски изобразил восхищение, сетуя на то, как Цинь Синчжи повезло найти столь добродетельную спутницу. Услышав похвалу в адрес жены, Цинь Синчжи расплылся в улыбке. Лед тронулся, и Старейшина Цанлань перестал казаться ему таким уж нелюдимым.

Прежде чем прийти сюда, Ло Си предусмотрительно расспросил Истинного человека Даоиня о привычках и прошлом Цинь Синчжи. Чтобы просить о чем-то подобного человека, нужно было знать его слабости.

Оказалось, алхимик питал слабость к поэзии, красивым пейзажам и возвышенным чувствам. И хотя его познания в изящной словесности были весьма средними, он обожал рассуждать о прекрасном и подолгу пересказывать историю своего знакомства с женой. Ло Си слушал его

болтовню, словно скучную сказку.

По словам Цинь Синчжи, они встретились год назад у подножия Тяньшаня. Он собирал травы и, томимый жаждой, встретил девушку, пришедшую за водой. Это была любовь с первого взгляда. Тайные свидания, скорая свадьба — история была до банальности простой, но он обильно приправлял ее витиеватыми эпитетами. Ло Си едва сдерживал зевету; слушать Мо Ханьчи было куда интереснее. Наконец, когда поток восторгов иссяк, он перешел к делу.

— Один мой младший брат был ранен демонической тварью. В его теле остался яд, который до сих пор не удалось вывести. Надеюсь, господин заместитель главы Цинь сможет помочь, — произнес Ло Си.

Цинь Синчжи коснулся висящей на поясе тыквы-горлянки, и в его глазах промелькнул расчет.

— Признаться, беседа со Старейшиной доставила мне немалое удовольствие, — начал он, — однако в последнее время я занят созданием особого снадобья, а для его завершения мне не хватает подходящего артефакта.

Ло Си понял, что речь пойдет о чем-то редком и труднодоступном.

— Говорите прямо.

— В Бэйине, на Болоте Черного Дракона, есть потухший вулкан. Говорят, его кратер ведет напрямик в Царство мертвых, и оттуда постоянно сочатся ядовитые миазмы. Чтобы души невольников не вырвались наружу, древние мастера установили там Девятигранный треножник. Снадобье, над которым я работаю, можно изготовить только в нем.

— Что же это за пилюли, для которых требуется божественный артефакт древности? — Ло Си прищурился.

— Мне уже за триста лет, — вздохнул Цинь Синчжи, — а моя супруга — простая смертная, чей век недолог. У нее нет духовного корня, она не может встать на путь совершенствования. А я хочу, чтобы она была рядом со мной вечно.

Ло Си сочувственно кивнул, принимая это объяснение, и вскоре покинул комнату.

Добыть Девятигранный треножник будет непросто, и Ло Си понимал, что не может впутать в это орден Куньлунь. Мо Ханьчи, хоть и был заклинателем, сейчас обладал телом, которое восстанавливалось со скоростью обычного человека. Отправить его спасти Фэн Юэ — чистое самоубийство; скорее сам погибнет, чем выручит брата.

«Эх, как же быть?» — тяжело вздохнул Ло Си.

Уговорить Ханьчи остаться здесь и ждать новостей — задача невыполнимая. Ло Си мог защитить его сейчас, но не мог оберегать вечно. К тому же, чтобы забрать треножник, нужно придумать способ удержать души мертвецов в кратере. Связываться с Дворцом Лошуй ему крайне не хотелось. Он горько усмехнулся — он оказался в тупике.

— Ло Си! Хочешь попробовать? Это пирожные, госпожа Цинь сама приготовила.

Мо Ханьчи впорхнул в комнату через окно, держа в руках блюдо. Его щеки были смешно раздуты — он явно не удержался и уже начал дегустацию. Описав в воздухе пируэт, блюдо плавно опустилось в его ладони.

— Что ты опять такой хмурый? Из-за Хуа Шуина? Да брось ты, Ло Си, ты тут ни при чем. О случившемся знаем только мы трое.

— Ханьчи, откуда в тебе этот яд? — Ло Си перехватил его руку и заставил сесть.

— Пытался разузнать о втором брате, прокрался в Столицу демонов и сцепился там с одним типом. Кто ж знал, что у него артефакт отравленный, — беспечно отмахнулся Мо Ханьчи.

— Подойди ближе, — велел Ло Си.

— А?

Ханьчи послушно наклонился. Ло Си оттянул край его воротника — на шее все еще алел след от укуса, оставленный Старейшиной несколько дней назад. У любого другого заклинателя он исчез бы за ночь.

— Твое тело сейчас ничем не лучше смертного. Как ты собрался в Столицу оборотней? — в голосе Ло Си слышалась горечь.

— Лишь бы не мешало циркуляции энергии и Бахуа, остальное пустяки. Я обязан спасти брата Фэн Юэ, — твердо произнес Ханьчи. Он давал клятву.

— Раз ты так рвешься на выручку Второму брату... мне остается только помочь тебе, — сдался Ло Си.

— Я знал, что ты меня поймешь! — Ханьчи просиял.

— Но сперва подожди. Мне нужно срочно вернуться на Куньлунь. Как только я приду, мы вместе отправимся спасать Фэн Юэ.

Ло Си взял с блюда пирожное и откусил кусочек.

— Только об этом — ни слова. Я обернусь быстро. Эти несколько дней живи в моей комнате. Если кто придет — говори, что я в уединении и меня нельзя беспокоить.

— Буду ждать тебя. И передай учителю поклон от меня.

— Хорошо, — Ло Си легонько коснулся пряди волос на лбу Мо Ханьчи. Он мимолетно улыбнулся, и в следующий миг исчез.

Мо Ханьчи сел и закрыл окна. Он посерьезнел.

— Ло Си, куда же ты направился на самом деле? Думаешь, я не понял, что ты мне лжешь? Но я верю тебе. Буду сидеть здесь и ждать. Пока ты не вернешься — я не двинусь с места, — прошептал он и доел пирожное, надкушенное Старейшиной.

В это время Ло Си призвал меч Вумин. Клинок мгновенно увеличился в размерах, окутавшись призрачным синим сиянием. Встав на него, он резко взмыл в небо. Ветер свистел в ушах, очертания города внизу стремительно таяли, превращаясь в крошечную точку. Времени на раздумья не оставалось — он направил всю духовную энергию в меч, и тот понесся вперед с немыслимой скоростью.

Женщина улыбнулась, глядя на исчезающий в небе след. Она держала чашку, в воде которой отражалось чье-то лицо. Если бы Мо Ханьчи увидел это сейчас, он бы вскрикнул от изумления: во лбу отраженного человека алела родинка в форме цветка. Это был никто иной, как Хуа Шуин.

— Он ушел, — раздался мягкий женский голос.

— Ты хорошо справилась, — отозвался Хуа Шуин с холодным смешком.

— Не понимаю, что он нашел в этом никчемном дураке. Ни кожи ни рожи, — фыркнула женщина.

Хуа Шуин лениво погладил огненного цилиня, припавшего к его ногам.

— Ты бы на себя посмотрела. Не увлекайся игрой, иначе, если тебя кто-нибудь разоблачит, я не смогу тебя защитить.

После этих слов вода в чашке колыхнулась, и отражение исчезло.

— Ваньэр! — Цинь Синчжи размашисто подошел к жене и нежно обнял ее за плечи. — О чем ты так задумалась над чашкой чая? Неужто о нашем дитя беспокоишься?

— Цинь Синчжи... — женщина, которую звали Су Вань, медленно подняла голову. Ее глаза были полны слез. — Мне приснился сон... — Она прикусила губу и понурилась.

— Что же это за сон, раз он так тебя напугал? — Цинь Синчжи прижал ее к себе крепче.

— Мне приснилось, будто я старею... а ты берешь в жены одну красавицу за другой, — прошептала она и, спрятав лицо у него на груди, тихо зарыдала.

Цинь Синчжи ласково погладил ее по спине.

— Глупенькая, не бойся. Скоро Девятигранный треножник будет у меня. Как только он окажется в моих руках, я использую кровь юных дев в качестве основы для лекарства и изготовлю Малую пилюлю вечной красоты. Тогда ты навсегда останешься прекрасной и будешь рядом со мной.

— Но муж мой... как же те дети? — Су Вань всхлипнула, словно не в силах вынести подобной жестокости.

— Это всего лишь сироты без рода и племени, не тревожься об этом. Им всё равно не прожить долго, а жизнь их будет полна лишений и мук. Уж лучше им поскорее отправиться в круг перерождений, чтобы в следующей жизни обрести счастье, — успокаивал ее Цинь Синчжи.

Он искренне считал, что его жена слишком добра. Нужно было как можно скорее изготовить пилюлю, чтобы она наконец обрела покой.

При мысли о том, на что Цинь Синчжи готов пойти ради нее, на сердце у Су Вань стало тепло. Она предвкушала момент, когда всё закончится и Хуа Шуин исполнит свое обещание — сделает её настоящим человеком. От этой мысли ей стало необычайно легко.